

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.627

Социальное благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона

Ссылка для цитирования: Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О. Социальное благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона (на материалах социологического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 70–83. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.627

For citation: Kostina, E. Yu., Orlova, N. A., Panfilova, A. O. Social well-being in the estimates of the Far Eastern region (on materials of sociological research). *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 70–83. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.627

**Костина
Елена Юрьевна**

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

kostina.eyu@dvfu.ru

AuthorID ПИНЦ: [353409](#)

**Орлова
Надежда Александровна**

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

orlova.na@dvfu.ru

AuthorID ПИНЦ: [169897](#)

**Панфилова
Анна Олеговна**

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

panfilova.ao@dvfu.ru

AuthorID ПИНЦ: [835694](#)

Аннотация. Характер и скорость социальных изменений, глобальные вызовы и угрозы, постоянное воспроизводство социальных рисков свидетельствуют о проблемности современной социальной картины мира. Это позволяет указать на то, что сегодня, несмотря на все достижения цивилизации, нерешёнными остаются проблемы, связанные с социальным благополучием человека и общества в целом. Социальное благополучие – это многофакторный конструкт, представляющий результат синтеза причин и следствий, единства объективных

и субъективных факторов; это системный феномен, имеющий в своей категоризации различные грани и составляющие, которые выявляют и социальное самочувствие человека, и меру общественной безопасности, и современные ценностно-нормативные смыслы. В совокупности эти параметры определяют и выводят социальное благополучие человека на первый план исследовательской и политической повестки. Авторами статьи подчёркивается, что исследование влияния на социальное благополучие объективных процессов, происходящих в обществе, должно идти параллельно с исследованием его субъективной составляющей, а именно – субъективных оценок человеком различных аспектов этого конструкта. Кроме этого, особую практическую значимость приобретают вопросы, связанные с изучением проблематики социального благополучия в различных социальных группах и когортах, а также в региональном контексте. Приморский край как субъект ДФО обладает выраженной географической, социально-экономической, демографической спецификой и является объектом стратегических интересов и целей государства; территорией, где запущен и реализуется ряд инновационных решений по стимулированию социально-экономического развития региона. Тем не менее, несмотря на прикладываемые государством усилия, социальная эффективность этих мер проявляется не столь заметно, как того требует реально сложившаяся ситуация. Регион до сих пор демонстрирует демографическую депрессию, имеет специфические отраслевые социально-экономические и управленческие сложности. В статье¹ приводятся данные, полученные авторами в ходе изучения субъективных оценок социального благополучия населения Приморского края. Количественное исследование регионального уровня было реализовано в мае 2019 г. в форме анкетного опроса (n=780). В целом результаты настоящего исследования удовлетворённости населения различными аспектами жизнедеятельности имеют положительный характер, зафиксированы некоторые различия по возрастному и гендерному признакам.

Ключевые слова: социальное благополучие, субъективное благополучие, субъективная оценка, удовлетворённость жизнью

Социальное благополучие: краткий обзор исследований

Состояние общественного сознания в нынешних социокультурных условиях особенно явно отличается от социальной реальности. Характер и скорость социальных инноваций, фактически неразрешённые и неразрешаемые на данный момент конфликты и вызовы, постоянно актуализирующие противоречия и риски свидетельствуют о серьёзном дисбалансе направляющих общественных сил, о проблемности современной социальной картины мира. Несмотря на все достижения цивилизации, нерешёнными и неснижаемыми остаются проблемы суицидального и криминального поведения, вопросы личной и социальной безопасности, все аспекты, связанные с социальным самочувствием и благополучием людей.

Социальное благополучие – это стратегическая социальная и государственная ориентация (состояние), на достижение которой направлены усилия общественно-политических организаций и институтов. Это предмет исследования психологов, социологов, политологов, экономи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00768 «Жизнь на фронтире: миграции и мобильности в приграничье».

стов в рамках анализа, с помощью которого они с различных методологических и методических позиций пытаются оценить и уровень счастья, и социальное самочувствие, и меру реализации целей государственной социальной политики. Благополучие человека является основной предпосылкой и неперенным условием успешного развития и процветания здорового общества. Несчастливые люди не могут создать общество, характеризующееся высоким уровнем благополучия, но и общество высокого благополучия не может обеспечить условия для создания и достижения благополучия всех его членов [Alatartseva et al. 2015].

Социальное благополучие и смежные с ним категории анализа имеют определённые социально-экономические и политические основания. Благополучие – это пространство существования человека, которое в большей степени обусловлено вполне реальными показателями экономического и социального общественного развития [Попов 2010: 17]. В качестве объективных оценок социального благополучия человек обычно использует внешние блага, которые позволяют ему в должной мере удовлетворить свои потребности и обеспечить безопасность [Костина, Орлова 2016: 63]. К основным объективным индикаторам относят социально-экономические показатели (уровень бедности, безработицы и т. п.), количество убийств и самоубийств, количество зарегистрированных браков, разводов и рождений детей. Благополучие в трактовке сторонников объективных индикаторов предполагает, что критерии могут быть выведены без привязки к собственным предпочтениям, интересам, идеалам, ценностям и отношениям индивидов, в то время как субъективные определения требуют, чтобы ценности и отношения индивидов имели значение.

Большинство обычных людей скорее всего отметят, что благополучие зависит от денег и материального обеспечения. К примеру, результаты опроса, проведённого Фондом общественного мнения, показали, что благополучие у россиян ассоциируется прежде всего с материальной составляющей («благополучная жизнь – это материальный достаток и отсутствие нужды») [Инициатива ФОМ... 2018]. Вместе с тем имеются данные, показывающие, что связь тут не такая явная. Да, существует определённая корреляция роста оценки личного благополучия и дохода, но она не постоянная, и не всякий рост дохода будет оказывать положительное влияние на субъективное ощущение благополучия. Так, исследователи отмечают наличие зависимости оценки своего благосостояния от сравнения с окружающими людьми. Соответственно, дополнительный доход увеличит благополучие человека только тогда, когда такой же рост дохода не демонстрируют окружающие [Dorn et al. 2007; Ferrer-i-Carbonell 2005].

Благополучие растёт, если люди могут реализовать больше своих личных предпочтений, а это происходит, когда они могут позволить себе более широкий выбор возможного удовлетворения потребностей [Dolan et al. 2008; Hausman et al. 2009]. Следовательно, можно предположить, что благополучие населения возрастает, если реализуемая государственная политика позволяет ему удовлетворять свои потребности

приемлемым для него способом, а ограничения на возможности достижения желаемого снижаются. Однако однозначно утверждать это нельзя. Так, в докладе Комиссии по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса (авторы: лауреаты Нобелевской премии Дж. Стиглиц, А. Сен и Ж. П. Фитусси), подчёркивается мысль, что экономическое измерение благосостояния недостаточно, его динамика может противоречить восприятию реалий жизни населением и подрывать доверие к государству и его политике [Стиглиц и др. 2016].

Действительно, в современных определениях благополучия подчёркивается, что его критериями являются желаемые человеком состояния счастья, здоровья, экономического процветания и безопасности. То есть человеческое благополучие состоит как из субъективных переживаний и ощущений (например, удовлетворённостью жизнью), так и из объективных (статистических) показателей условий и качества жизни. Зачастую авторы под социальным благополучием понимают субъективную оценку индивидами и общностями степени удовлетворения их материальных и духовных потребностей, а также возможности реализации социальных ожиданий и претензий [Голиков и др. 2015]. Здесь уже конкретно выделяется и актуализируется именно субъективная (выражающаяся в оценке) составляющая социального благополучия, которая основывается на самостоятельном человеческом восприятии собственной жизни и её характера. Комиссия Стиглица, Сена и Фитусси также указала, что способ, посредством которого человек воспринимает, насколько хорошо и успешно идёт его жизнь, должен рассматриваться наряду с другими наблюдаемыми объективными показателями экономического и социального благополучия.

Кроме того, субъективное ощущение благополучия является не только «внутренне», но и «инструментально» важным для отдельных людей. Повышение уровня субъективного благополучия приводит к ряду положительных изменений в жизни, таких как улучшение здоровья, более удовлетворительные социальные отношения, повышение производительности труда и уровня образования [Alkire 2015; De Neve et al. 2013].

Существенным ценностным параметром благополучия выступает социальный порядок, который «... во все времена является ценностью как для отдельного человека, так и для социальной системы общества, поскольку обеспечивает стабильность – условие благополучного существования общества. В каком смысле стабильность – условие благополучия? Любой человек желает и для себя, и для своих детей определённости и порядка в обыденной жизни и в обществе в целом. Ощущение стабильности и упорядоченности окружающих вещей, уверенность в завтрашнем дне являются для человека условиями “онтологической безопасности”» [Владимирова 2012: 131].

Растущий интерес к измерению субъективного благополучия на национальном уровне и к политике, нацеленной на достижение счастья граждан, подразумевает, что для обеспечения надлежащего распределения ресурсов на эти цели важно уметь оценивать общие выгоды от повышения счастья в денежном выражении. Перспектива измерения субъективных оценок благополучия заключается не только в том, что они

могут позволить политикам отслеживать изменения на общем уровне, но и исследовать, как рефлексировается благополучие в различных социальных группах и когортах, а также в региональном контексте [Hicks 2013].

Исследовательский проект

Приморский край как субъект ДВФО обладает выраженной географической, социально-экономической, демографической и иной спецификой. Сегодня регион является объектом стратегических интересов и целей государства; территорией, где запущен и реализуется ряд инновационных решений по стимулированию социально-экономического развития. Тем не менее, несмотря на прикладываемые государством усилия, социальная эффективность этих мер проявляется не столь заметно, как хотелось бы. Так, регион до сих пор демонстрирует демографическую депрессию, имеет специфические отраслевые социально-экономические и управленческие сложности. В этой связи исследование субъективных оценок социального благополучия жителями дальневосточного региона представляется своевременным и тематически актуальным.

Количественное исследование регионального уровня было реализовано в мае 2019 г. в форме анкетного опроса ($n=780$). Репрезентативность данных обеспечивалась типом выборки – территориальная квотная – с соблюдением параметра регионального охвата на первой ступени и применением принципа квотного отбора исследуемых единиц на второй ступени. Квотный отбор реализован по критериям возраста и пола, репрезентирует по ним структуру генеральной совокупности. Необходимость квотных критериев обусловлена дополнительной исследовательской задачей установить и описать различия ответов в возрастных когортах опрашиваемых, а также выявить возможную гендерную разницу в ощущении благополучия у отвечающих. В структурном плане при разработке инструментария и процедуры операционализации авторы опирались на группировку различных аспектов жизнедеятельности человека, выделенных Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В ходе пилотажа не было выявлено сложностей в восприятии и заполнении респондентами опросного бланка.

Социальное благополучие дальневосточников в цифрах: результаты исследования

В качестве важнейших показателей физических условий и качества жизни применялся Индекс лучшей жизни¹, разработанный на основе доклада Комиссии ОЭСР и включает такие параметры, как жилищные

¹ Ваш индекс лучшей жизни // Организация экономического сотрудничества и развития. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/topics/safety-ru/> (Дата посещения: 05.10.2019).

условия, здоровье, доходы и работа, образование и среда проживания, личная безопасность и общая удовлетворённость жизнью [Стиглиц и др. 2016].

Теоретической основой анализа является тезис-утверждение Э. Алларта. Согласно ему, в основе благополучия лежит удовлетворение таких актуальных нужд, как потребность в образовании, занятости, здоровье, жилище, материальных благах (группа потребностей «иметь»); потребность в любви, дружбе, принадлежности к социуму, близком общении, поддержке и т. д. (группа потребностей «любить»); потребность в социальной интеграции, общественной и политической активности и т. д. (группа потребностей «быть»). При условии роста уровня удовлетворения всех потребностей формируется ощущение благополучия [Allardt 1993: 89–91].

Результаты эмпирической работы показали, что реализация естественной для человека потребности в жилище способна качественно улучшить его жизнедеятельность и социальное самочувствие. Полученные оценки удовлетворённости жителей Приморского края своими жилищными условиями свидетельствует о том, что последние в той или иной степени устраивают 63,9% приморцев; отрицательно оценили свои жилищные условия 23,6%, а 12,6% затруднились дать ответ.

Экономическое благополучие является составной частью общего субъективного благополучия. Так, субъективные оценки населением своего актуального материального положения свидетельствуют, что 52,9% устраивает уровень их материального благосостояния, 32,1% не удовлетворены им. Беспокоит будущее материальное положение 63,8%, менее всего испытывают тревогу по данному поводу люди старшего возраста (от 50 лет и выше). Относительно уровня дохода цифры выглядят следующим образом: 1,8% респондентов ввиду низкого дохода «едва сводят концы с концами»; вариант «денег сейчас хватает только на приобретение продуктов питания» выбрали 11,5% респондентов; «денег хватает на питание и одежду» – 40,6%; 31,2% опрошенных «могут покупать вещи длительного пользования, но покупка дорогих вещей для них затруднительна»; 10,5% «могут ни в чём себе не отказывать»; доля затруднившихся ответить – 4,4%.

Объективно одной из важных предпосылок социального благополучия является образование в таких его параметрах, как уровень и качество, поскольку они определяют и градуируют потенциальные возможности добиться успеха и самореализации в той или иной области. Данные опроса показали, что более половины ответивших (58,9%) в большей степени удовлетворены уровнем и качеством их образования, в то время как 22,4% не довольны этими параметрами. Половина респондентов высказали ощущение необходимости в повышении уровня образования, отметив, что это – важная возможность/ступень повышения личного и социального благополучия. Особенно распространена эта позиция среди представителей молодёжной подгруппы респондентов. Однако около трети респондентов не видят в этом необходимости и не считают нужным проявлять здесь активность. Стоит также отме-

тить, что большинство опрошенных не озвучивают особых ограничений, мешающих им получить новые знания и профессиональные навыки, если они обнаружат в этом потребность.

Большое значение в субъективном ощущении благополучия имеет профессиональная деятельность и самореализация в ней. В целом большинство респондентов удовлетворены этой сферой своей жизни, однако было отмечено гендерное различие в удовлетворённости профессиональной самореализацией. Так, женщины более позитивно оценивают достигнутые ими результаты в трудовой сфере, но более склонны сомневаться в правильности выбора профессии. Более половины респондентов (55,9%) оценили свою трудовую ситуацию оптимистично; 26,1% участников в той или иной степени испытывают страх потерять работу. Наиболее выражен этот страх в возрастной когорте 30–39 лет.

Анализ субъективных оценок состояния здоровья показал, что: 18,6% опрошенных не имеют проблем со здоровьем; 34,2% отчасти согласны с тем, что состояние их здоровья не вызывает опасений и в целом устраивает их; 30,2% оценили состояние здоровья довольно пессимистично, 17% не смогли определить свою позицию по данному вопросу. Женщины оценивают состояние своего здоровья в целом хуже, чем мужчины; с возрастом респонденты склонны более критично его оценивать. Е. Динер и М. Чан на основе анализа большого количества вторичных данных зафиксировали парадоксальную обратную связь ощущения благополучия с состоянием здоровья и продолжительностью жизни: счастливые люди живут дольше, а нездоровые счастливее [Diener et al. 2011]. То есть не здоровье влияет на ощущение себя благополучным, а скорее наоборот.

Общеизвестно, что значимым фактором удовлетворённости различными аспектами жизни является уровень проявления доверия. Доверие/недоверие как определённая установка человека на мироощущение определяется, в частности, мерой открытости миру, новым контактам и взаимодействиям, уверенностью/неуверенностью в социальных ожиданиях. Полученные авторами эмпирические данные показали достаточно высокий субъективный уровень доверия, высказанный участниками. Так, для большинства респондентов (58,5%) характерно проявление доверия к окружающим, готовность к новым контактам, открытость и доброжелательность. Одновременно не склонен доверять (или вообще не доверяет) другим каждый пятый, не обозначили свою позицию по данному вопросу 20,3%.

Оказалось труднее сделать определённые выводы относительно социального доверия как меры благожелательного, положительного и оптимистичного отношения к социуму и государству. Не ставя себе задачей сформулировать эту меру, тем не менее отметим, что структурно элементы социального доверия охарактеризованы ниже. Общее качество и мера социального доверия зависят во многом от социальных связей человека (в частности, наличия семьи, друзей) и их качества. 57,2% респондентов удовлетворены отношениями с близкими, друзьями, знакомыми (женщины по сравнению с мужчинами реже выбирали положи-

тельный ответ), 28% не удовлетворены существующими отношениями. Семья и дружба в системе ценностных ориентаций респондентов преобладают над материальной составляющей у подавляющего большинства – 78,6%, 11,2% не согласились с данным утверждением.

Уровень активности в обществе определяет образ жизни человека и способствует укреплению его социального благополучия. Можно указать и на обратную зависимость: от того, насколько социально благополучен субъект, зависит и степень его вовлечённости в общественные взаимодействия и социальные коммуникации [Aknin et al. 2012]. 40% наших респондентов ведут активную общественную жизнь, при этом женщины более активны, чем мужчины; респонденты 60 лет и старше менее активны по сравнению с представителями других возрастных групп; 43,1% отрицают свою активность.

Субъективное ощущение благополучия реализуется в чувстве удовлетворённости человека собственной жизнью. Здесь нами выделены следующие цифры. Семь из десяти жителей Приморского края в целом удовлетворены своей жизнью, в том числе 30,5% удовлетворены ею в полной мере (схожие результаты были получены и при ответе на вопрос об оценке полноценности жизни). Противоположное мнение высказали 11,8% респондентов, при этом только 2,7% выбрали крайний отрицательный ответ. Гендерной разницы не зафиксировано: удовлетворённость жизнью в целом у мужчин и женщин находится на одинаковом уровне, а также не зависит от возраста; исключение составляют лишь люди старше 60 лет, чьи оценки несколько ниже, чем у представителей других возрастов.

Необходимым компонентом в оценке благополучия населения выступают личные прогнозы относительно своего будущего, а также мнения о способности справиться с возникающими препятствиями и проблемами. Соответственно, в опросный бланк были включены такие вопросы. По ним можно выделить следующие данные.

Осознание возможности влиять на ситуацию придаёт человеку ощущение уверенности в себе, своих силах, ощущение контроля над происходящим. Так, 26,7% считают, что не могут влиять на происходящие вокруг события; по мнению 51,5% они могут это делать; 21,8% затруднились ответить. Чувствуют себя уверенными в завтрашнем дне 56,6% респондентов (из них абсолютно в этом уверены 16,7%), 22,7% не испытывают такой уверенности (в большей степени это характерно для лиц 60 лет и старше), 20,8% не смогли определиться с ответом на данный вопрос.

Состояние окружающей среды оказывает влияние на качество жизни населения, а, следовательно, и на его благополучие. Так, 60% респондентов всерьёз обеспокоены состоянием окружающей среды в своём регионе, лишь у 20,2% этот вопрос не вызывает тревоги. Более половины опрошенных признали, что возможное ухудшение экологической ситуации является наиболее серьёзным негативным фактором в оценке дальнейших жизненных перспектив в регионе.

Структура ответов респондентов относительно соблюдения их прав в текущих общественных условиях показала, что оценивают ситуацию как преимущественно положительную 43%, из них 11,9% абсолютно уверены в том, что права граждан реализуются в достаточной степени. Отметили, что в современном российском обществе «права человека не соблюдаются» 24% опрошенных, «соблюдаются лишь отчасти» – 28%.

Наконец, личная безопасность – ещё один значимый параметр как социального, так и субъективно ощущаемого благополучия. Так, имеются данные о том, что страх стать жертвой преступления, влияет на жизненную активность и социальное благополучие [Lorenc et al. 2012]. Содержательно этот параметр включает в себя переживание определённых рисков (стать жертвой физического насилия или других видов преступлений), тяжесть которых существенно понижает социально позитивные установки и состояния.

Согласно авторским данным, более половины респондентов (56,2%) не испытывают страха стать жертвой преступления, уверены в своей способности избегать таких ситуаций. При этом заметно менее уверены в своей защищённости женщины и лица старше 60 лет. В целом же цифры по этому основанию положительные: редко испытывают чувство опасности и угрозы более половины опрошенных, часто ощущает это чувство каждый пятый респондент.

Как отмечают Р. Инглерхарт и П. Норрис, вопросы личной безопасности нуждаются в изучении, т. к. субъективное благополучие строится также на ощущениях людей по шкале «безопасно/небезопасно». В свою очередь, это оказывает влияние на сознание и поведение людей [Inglehart et al. 2012]; фактически можно утверждать, что невозможно чувствовать себя благополучным, испытывая чувство незащищённости.

Заключение

Субъективно оцениваемое благополучие в представленной исследовательской репрезентации имеет положительный характер. Структура программы опроса строилась на традиционных «точках измерения» благополучия – удовлетворённости жизнью, уровне тревожности, экономическом благосостоянии, мере личного доверия как основы уверенного мироощущения. В подавляющем большинстве этих точек результаты оценки положительны, более того – они эмоционально конструктивны в том смысле, что основываются на жизненном оптимизме, любви к близким, доверии к миру. Некоторые зафиксированные (порой весьма выраженные) расхождения в возрастных группах опрошенных, к примеру, в оценке личной безопасности и защищённости, уверенности в завтрашнем дне, видятся логическими и естественно более затруднительными в преклонном возрасте, а также с позиции гендерного статуса.

При оценке представленных данных с точки зрения Э. Алларта, заявленной в качестве теоретической основы работы, благополучие может быть охарактеризовано как субъективно сформированное, комплексное

ощущение-состояние. Его источником является преимущественно определённая мера удовлетворения жизненно важных потребностей, в контексте которых выше были представлены опросные результаты. Несмотря на некоторую разницу в их выражении, можно отметить удовлетворительную оценку текущего положения. Соответственно, объективные и устойчивые социально-экономические трудности в регионе напрямую не влияют на субъективные оценки нашего объекта. Значительно более выраженную корреляцию с благополучием в его субъективно сформированном виде имеют духовно-личностные потребности (по Э. Алларту – «любить») и обладательные – «иметь». Их отдельная значимость и реализованность определены как ключевые в субъективно положительной оценке благополучной жизни.

Таким образом, социальное благополучие предстаёт системным феноменом, имеющим в своей категоризации различные грани и составляющие. Интегрально они определяют и социальное самочувствие человека, и меру общественной безопасности, и современные ценностно-нормативные онтологические смыслы. С предельной актуальностью эти тезисы выводят социальное благополучие человека на первый план исследовательской и политической повестки.

Анализ современных исследований по общей теме и проблематике социального благополучия позволяет сделать вывод о значимости использования как объективных критериальных показателей, основывающихся главным образом на формализованных статистических данных (динамики ВВП, индекса/количества отклонений и т. д.), так и субъективных оснований его понимания. В представлениях людей в текущий момент времени репрезентируется оценочное восприятие окружающей социальной среды, мера удовлетворённости ею, ощущение общественной безопасности и т. д., в целом имеющие положительные репрезентации. В более общем смысле они показывают и характер социальной рефлексии. Значимость такого анализа высока: «...измерение субъективного благополучия становится всё более важным, т. к. общество отходит от показателей ВВП как цели роста в направлении увеличения блага для общества в целом». [Massagnan et al. 2019]. При этом очевидно, что на сегодняшний день аналитический интерес представляет использование комплексного подхода к исследованию, попытки интеграции его объективного и субъективного уровней.

Библиографический список

Владимирова Т. В. 2012. Развитие структур накопления и ускорения девиации как условие безопасности общества // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2. С. 129–146.

Голиков А. А., Гордеев С. С., Даванков А. Ю., Козлов В. Н. 2015. Концептуальные основы динамики благополучия населения в регионе // Голиковские чтения. Челябинск. С. 6–10.

Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян. 2018. // Фонд общественного мнения URL: <https://fom.ru/TSennosti/14244> (Дата посещения: 05.12.2019).

Костина Е. Ю., Орлова Н. А. 2016. Социальное благополучие жителей Дальневосточного региона России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 2. С. 61–71.

Попов Е. А. 2010. Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. № 2. С. 16–23.

Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж. П. 2016. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М.: Издательство Института Гайдара. 216 с.

Aknin, L. B., Dunn, E. W., Norton, M. I. 2012. Happiness runs in a circular motion: Evidence for a positive feedback loop between prosocial spending and happiness // Journal of Happiness Studies. Vol. 13. P. 347–355. DOI: 10.1007/s10902-011-9267-5

Alatartseva E., Barysheva G. 2015. Well-being: subjective and objective aspects // Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 166. P. 36–42. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.479

Alkire S. 2015. Global multidimensional poverty index // Pakistan Development Review. Vol. 54 (4). P. 287–299.

Allardt E. 1993. Having, Loving, Being: An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research. Quality of Life. Ed. by M. Nussbaum, A. Sen. New York: Oxford: University Press. P. 88–94.

De Neve J.-E., Diener E., Tay L., Xuereb C. 2013. The objective benefits of subjective well-being. World happiness report 2013. Ed. by J. Helliwell, R. Layard, J. Sachs. New York: UN Sustainable Development Solutions Network. P. 54–79.

Diener E., Chan M. Y. 2011. Happy People Live Longer: Subjective Well-Being Contributes to Health and Longevity // Applied psychology: health and well-being. Vol. 3 (1). P. 1–43. DOI: 10.1111/j.1758-0854.2010.01045.x

Dolan P., Peasgood T. 2008. Measuring Well-being for Public Policy: Preferences or Experiences? // Journal of Legal Studies. Vol. 37 (S2). P. 5–31. DOI: 10.1086/595676

Dorn D., Fischer J. A., Kirchgassner G., Sousa-Poza A. 2007. Is it culture of democracy? The impact of democracy, and culture on happiness // Social Indicators Research. Vol. 82 (3). P. 505–526. DOI: 10.1007 / s11205-006-9048-4

Ferrer-i-Carbonell A. 2005. Income and well-being: An empirical analysis of the comparison income effect // Journal of Public Economics. Vol. 89. P. 997–1019. DOI:10.1016/j.jpubeco.2004.06.003

Hausman D., McPherson M. 2009. Preference Satisfaction and Welfare Economics // Economics and Philosophy. Vol. 25 (1). P. 1–25. DOI: 10.1017/S0266267108002253

Hicks S., Tinkler L., Allin P. 2013. Measuring Subjective Well-Being and its Potential Role in Policy: Perspectives from the UK Office for National Statistics // Social Indicators Research. Vol. 114. P. 73–86. DOI: 10.1007/s11205-013-0384-

Inglehart R. F., Norris P. 2012. The Four Horsemen of the Apocalypse: Understanding Human Security // Scandinavian Political Studies. Vol. 35. No. 1. P. 71–94. DOI: 10.2139/ssrn.197131

Lorenc T., Clayton S., Neary D., Whitehead M., Petticrew M., Thomson H., Cummins S., Sowden A., Renton A. 2012. Crime, fear of crime, environment, and mental health and wellbeing: Mapping review of theories and causal pathways // Health & Place. No. 18. P. 757–765. DOI: 10.1186 / 1471-2458-13-496

Maccagnan A., Lewis S., Brown H., Taylor T. 2019. Wellbeing and Society: Towards Quantification of the Co-benefits of Wellbeing // Social Indicators Research. Vol. 141. P. 217–243. DOI: 10.1007/s11205-017-1826-7

Статья поступила: 20.12.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Костина Елена Юрьевна, кандидат социологических наук,
доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

Орлова Надежда Александровна, кандидат социологических наук,
доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

Панфилова Анна Олеговна, кандидат социологических наук,
доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.627

Social Well-Being as Evaluated by the Population of the Far East Region

Elena Yu. Kostina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kostina.eyu@dvfu.ru

ORCID Id: 0000-0003-4482-9497

Nadezhda A. Orlova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: orlova.na@dvfu.ru

ORCID Id: 0000-0002-1892-0097

Anna O. Panfilova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: panfilova.ao@dvfu.ru

ORCID Id: 0000-0001-6156-828X

For citation: Kostina, E. Yu., Orlova, N. A., Panfilova, A. O. Social well-being as evaluated by the population of the Far Eastern region. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 70–83. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.627

Abstract. The nature and pace of social changes, global challenges and threats, the constant reproduction of social risks – all of these things speak to the problematic nature of the world's current social portrait. This allows us to point out that today, despite all of civilization's achievements, certain problems associated with the social well-being of a person, and society as a whole, remain unresolved. Social well-being is a multifactor construct, which itself is the result of a synthesis of causes and effects, a joining of objective and subjective factors; we are dealing with a systemic phenomenon, the categorization of which is distinguished by various facets and components which determine a person's social well-being, the degree of public safety and modern value-normative implications. In conjunction these parameters define and bring a person's social well-being to the forefront of the research and political agenda. The authors of this article insist that the study of the effect which objective processes occurring in society have on social well-being must be conducted in parallel with studying its subjective component, namely – a person's subjective evaluation of this construct's various aspects. Aside from that, special practical relevance is attributed to matters concerning the study of issues of social well-being in various social groups and cohorts, as well as within the regional context. Primorsky Krai, being part of the Far Eastern Federal District, possesses a distinct geographical, socio-economic and demographical specificity, while being an object of government strategic interests and goals; this is a territory where a plethora of innovative solutions aimed at stimulating the region's socio-economic development are being initiated and implemented. Nonetheless, despite the government's best efforts, the social effectiveness of these measures is not as pronounced as the current situation calls for them to be. The region is still in a state of demographic depression, with there being distinct sector-specific socio-economic and management issues. The article cites data collected by its authors while studying the subjective evaluation of the social well-being of Primorsky Krai's population. A regional-scale quantitative study was conducted in May of 2019 by means of questionnaire survey (n=780). The results of this study of the population's satisfaction with various aspects of life are generally favorable, with certain disparities having been recorded based on age and gender.

Keywords: social well-being, subjective well-being, subjective assessment, satisfaction with life

References

Aknin L. B., Dunn E. W., Norton M. I. Happiness runs in a circular motion: Evidence for a positive feedback loop between prosocial spending and happiness. *Journal of Happiness Studies*, 2012: 13: 347–355. DOI: 10.1007/s10902-011-9267-5

Alatartseva E., Barysheva G. Well-being: subjective and objective aspects. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015: 166: 36–42. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.479

Alkire S. Global multidimensional poverty index. *Pakistan Development Review*, 2015: 54 (4): 287–299.

Allardt E. Having, Loving, Being: An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research. In: *Quality of Life*. Ed. by M. Nussbaum, A. Sen. New York, Oxford University Press, 1993: 88–94.

Better Life Index. OECD Official Web portal. Available at: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/topics/safety-ru> [accessed: 05.10.19] (in Russ.).

De Neve J.-E., Diener E., Tay L., Xuereb C. The objective benefits of subjective well-being. *World happiness report 2013*. Ed. by J. Helliwell, R. Layard, J. Sachs. New York, UN Sustainable Development Solutions Network, 2013: 54–79.

Diener E., Chan M. Y. Happy People Live Longer: Subjective Well-Being Contributes to Health and Longevity. *Applied psychology: health and well-being*, 2011: 3 (1): 1–43. DOI: 10.1111/j.1758-0854.2010.01045.x

Dolan P., Peasgood T. Measuring Well-being for Public Policy: Preferences or Experiences? *Journal of Legal Studies*, 2008; 37 (2): 5–31. DOI: 10.1086/595676

Dorn D., Fischer J. A., Kirchgassner G., Sousa-Poza A. Is it culture of democracy? The impact of democracy and culture on happiness. *Social Indicators Research*, 2007: 82 (3): 505–526. DOI: 10.1007 / s11205-006-9048-4

Ferrer-i-Carbonell A. Income and well-being: An empirical analysis of the comparison income effect. *Journal of Public Economics*, 2005: 89: 997–1019. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2004.06.003

FOM initiative: studying the well-being of Russians. FOM Official website, 2018. Available at: <https://fom.ru/TSennosti/14244> [accessed: 05.12.19] (in Russ.).

Golikov A. A., Gordeev S. S., Davankov A. Yu., Kozlov V. N. Conceptual foundations of the dynamics of well-being of the population in the region. Golikovskie Chteniya = Golikov readings working papers. Chelyabinsk, 2015: 6–10 (In Russ.).

Hausman D., McPherson M. Preference Satisfaction and Welfare Economics. Economics and Philosophy, 2009: 25 (1): 1–25. DOI: 10.1017/S0266267108002253

Hicks S., Tinkler L., Allin P. Measuring Subjective Well-Being and its Potential Role in Policy: Perspectives from the UK Office for National Statistics. Social Indicators Research, 2013: 114: 73–86. DOI: 10.1007/s11205-013-0384

Inglehart R. F., Norris P. The Four Horsemen of the Apocalypse: Understanding Human Security. Scandinavian Political Studies, 2012: 35, 1: 71–94. DOI: 10.2139/ssrn.197131

Kostina E. Y., Orlova N. A. The social well-being of the population of the Russian Far East. Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya = Oikumena. Regionalistic Studies, 2016; 2: 61–71 (In Russ.).

Lorenc T., Clayton S., Neary D., Whitehead M., Petticrew M., Thomson H., Cummins S., Sowden A., Renton A. Crime, fear of crime, environment, and mental health and wellbeing: Mapping review of theories and causal pathways. Health and Place, 2012: 18: 757–765. DOI: 10.1186/1471-2458-13-496

Maccagnan A., Lewis S., Brown H., Taylor T. Wellbeing and Society: Towards Quantification of the Co-benefits of Wellbeing. Social Indicators Research, 2019: 141: 217–243. DOI: 10.1007/s11205-017-1826-7

Popov E. A. Human social well-being in scientific discourse. Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo = Sociology in the modern world: science, education, creativity, 2010: 2: 16–23 (In Russ.).

Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. P. Mis-measuring Our Lives Why GDP Doesn't Add Up. The report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. Moscow, Gaidar Institute publ., 2016: 216 (In Russ.).

Vladimirova T. V. The Development of Accumulation and Acceleration Structures of Deviation as a Condition of Public Safety. Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology, 2012: 2: 129–146 (In Russ.).

The article was submitted on: December 20.2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kostina Elena Yurevna, Candidate of Sociological Sciences, docent, School of Humanities, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Nadezhda Aleksandrovna Orlova, Candidate of Sociological Sciences, docent, School of Humanities, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Anna O. Panfilova Candidate of Sociological Sciences, docent, School of Humanities, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia